

НАЧАЛО было для Любы ошеломляющим. Экспериментальная театральная студия в Куйбышеве, затем акт отчаянной смелости — поездка в Москву, чтобы поступить в школу-студию МХАТа. Храбрость не оставила девушку и на экзаменах, и вот уже Люба Ливанова поступает в студию, удивив приемную комиссию. Она одна изобразила целую массовку: переполненный трамвай, пассажиров, бестолкового кондуктора.

Сбылось заветное желание, началась учеба рядом с великой сценой, а вместе с учебой появилась и возможность видеть на этой сцене тех, чьи имена совсем недавно казались ей именами богов или отдаленных галактик: Хмелева, Тарасову, Москвина... Не анфас, правда, а скорее в профиль, в просветы между кулисами, за которыми учащиеся студии изображали то гул большой толпы, а то и шум поезда, под который должна была броситься Анна Каренина — Тарасова.

Многие спектакли МХАТа тех лет Любовь Андреевна до сих пор помнит наизусть, помнит каждый жест, реплику, поворот, нюанс. Потому что использовала на все сто процентов свой шанс, свое право постоять за этими кулисами.

Запах кулис, равно священный для Счастливецва и Несчастливецва! Поначалу он кажется сладким, но потом выясняется, что может он быть иногда и горьким...

Вряд ли найдется много таких, чья жизнь на сцене поначалу складывалась так, как у Любы Андреевны.

Приехав в 1948 году в Куйбышев, молодая актриса не была встречена фанфарами. Легко ли, особенно в молодости, когда рвешься к любимому делу, к обретенному призванию, ограничиваться появлениями на сцене в микроскопических эпизодах, в массовках?

Есть старый анекдот об актере, исполнявшем только одну роль, знаменитое «кушать подаю». Так вот: большинство самых ранних фотографий Ливановой в ролях изображают ее с подносом в руках.

ТВОРЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ

СЧАСТЬЕ АКТРИСЫ

да — диплом на областном смотре творческой молодежи.

Через два года о театре после долгого перерыва заговорили в центральной прессе. Спектакль «Дело Артамоновых» был сыгран в Москве, в Кремлевском театре.

Работа Ливановой в роли Натальи была признана одной из лучших в спектакле. Актриса вместе со своей героиней проживала всю долгую жизнь — от восемнадцати до семидесяти. Уже только технически задача сложнейшая. С внешним перевоплощением актриса справилась безупречно. Но гораздо существеннее было другое: Ливанова сумела найти и провести через весь спектакль главную идею образа, выраженную емкими словами Горького о «муже в доме, муже без крыльев». Была показана серая, рутинная, растратная попусту, но в чем-то и трагичная жизнь. Рассудком легко понять, что если человек ничего сам не добивается, а только подчиняется обстоятельствам и чужим страстям, то итог его жизни будет неутешителен. Но «доказать» все это на сцене в одной роли может только актер с достаточно развитым вкусом. Стоит чуть «нажать», демонстрируя безволие, никчемность персонажа — и сразу уйдет острота ощущения утраты личности: какие там сожаления, если, так сказать, «не-

достатки» персонажа сразу ясны.

Сломленность, омертвелость жили где-то в самой глубине ливановского образа, так что порой казалось, что Наталья и впрямь чем-то управляет, во что-то реально вмешивается, что-то от нее зависит. Лишь к самому финалу итоговые, главные черты образа выходили на первый план — не потому ли так живо ощущалась в нем громадная временная дистанция, буквально «тяжесть лет».

После «Дела Артамоновых» было много ролей в самых разных спектаклях всех жанров, от комедий до трагедий, но уже было сделано главное «открытие» Ливановой, и она по праву заняла свое место в труппе как мастер короткого эпизода, острого характерного штриха: чаще все-таки комедийного. Вспоминается спектакль «Волки и овцы» и великолепный комический дуэт Н. Засухина (Мурзавецкий) и Л. Ливановой (Анфуса Тихоновна) в сцене «объяснения» Мурзавецкого, принявшего в темноте и под влиянием винных паров Анфусу Тихоновну за предмет своей страсти. Актрисе было отпущено всего одна реплика, на разные лады повторялось: «Да ну уж»... Но какая тут была гамма смешных переживаний: и страх, и смущение, и запоздалое кокетство. Кто видел этот спектакль, обязательно помнит острый и точный пластический «ход» Ливановой: как бы ни отворачивалась Анфуса от Мурзавецкого и что бы ни говорила, все время казалось, будто она привязалась к нему невидимой ниткой...

Много можно сказать о таких ролях Ливановой, как Меланья в «Егоре Булычове», Домна Ивановна в «Сердце не прощает», Эмилия в «Отелло»... Если читатель не видел этих спектаклей, то он мог получить представление об актрисе по другим, совсем недавним постановкам: «Ханума», «Дамы и гусары», наконец, «Прошлым летом в Чулимске».

Но лучше расскажем о другом. О неизбежных в творчестве актера сомнениях, внутренней борьбе, из которой Ливанова нашла свой правильный выход. И тут нам придется затронуть привычные театральные мерки, иерархию ценностей. Ведь до сих пор почему-то существует предвзвешенное, что «главное» дело актера — не эпизоды, а большие роли.

«Нет маленьких ролей: есть маленькие актеры». Эти знаменитые слова были сказаны первоначально вовсе не в утешение кому-то. Но постепенно приобрели именно такой оттенок. И многие, очень многие хорошие актеры, самую судьбой предназначенные именно на маленькие роли, вводят в заблуждение и себя, и коллег, и сочувствующих критиков, ища в себе будто бы загубленное дарование «актера широкого драматического дыхания», «мастера создания масштабных характеров». Часто это кончается весьма плачевно: актер срысывается с места, где ему было хорошо и он был хорош, пускается в скитания по театрам и городам. Часто он возвращается через несколько лет, потрясен в воздухе программками, где его фамилия стоит выше прочих. Доказали...

Но проходит совсем немного времени, и все убеждаются, что и нового качества актер этот не приобрел, и старые растерял.

Ведь это очень разные вещи — играть эпизод и играть спектакль. Настолько разные, что нет смысла всерьез заниматься сравнениями: что важнее, да что почетнее. Одна лишь разница видна невооруженным глазом: о тех, кто играет эпизоды, рецензенты обычно пишут скупое: «Главные» персонажи как бы заслоняют «второ-

степенных». Хотя ведь стоит сказать, что в искусстве мелочей не бывает, как все тут же соглашаются...

В большой роли актер чувствует себя свободнее. Не получилось в одном месте — компенсирует отличным игрой в другом. А в эпизоде надо сразу уметь выложить все. Лишь немногие актеры хорошо делают то и другое.

Возвратимся к спектаклю «Дело Артамоновых», чтобы напомнить: этот этапный в жизни театра имени А. М. Горького спектакль был настоящим апофеозом эпизодического (характерного) актера. Он весь состоял из коротеньких картинок, и большинство актеров, не только Ливанова, играли в нем именно по неумолимым законам эпизода (может быть, именно этот «стиль» послужил отличным раздражителем, разбудил фантазию и дал целый букет превосходно сыгранных ролей?).

Ливанова осталась тем, к чему у нее есть настоящее призвание.

Что такое театр? Это спектакли и люди — режиссеры, актеры, художники. Но спектакли сменяют друг друга, а люди приходят и уходят. Откуда же тогда берется то, что мы называем лицом театра? Передаётся как эстафета? Возникает из суммирования мимолетностей? Маловероятно. Во всяком случае, вряд ли можно было бы наделить индивидуальностью театр, в котором нельзя назвать целую группу хороших актеров, отдавших ему всю жизнь. Актёров, которых местный зритель отлично знает и встречи с которыми, тем не менее, каждый раз ждёт. Таких, как Любовь Андреевна Ливанова и ее старые товарищи по сцене в Куйбышеве.

— Скажите, Любовь Андреевна, довольны ли вы своей актерской судьбой? — задал ей вопрос.

— Знаете ли, для меня уже одно то, что я актриса, да еще не где-нибудь, а в таком театре — счастье.

П. СТЕПАНОВ.

На снимке: Л. А. Ливанова в роли Эмилии («Отелло»).